

Любимова Г.В. Орудия труда и предметы домашней утвари как средство защиты от стихийных бедствий (на материалах старожилов и переселенцев Сибири) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999. С.617-621.

В системе традиционных обрядов, выступавших, по сути, в роли мифоритуального оформления отношений “человек / социум - природа”, задачу непосредственного воздействия на естественный ход природных процессов решали обряды окказионального типа. Не имея постоянного темпорального закрепления, окказиональные обряды совершались по необходимости - в случае засухи, грозы, града, эпидемий, эпизоотий и других массовых бедствий. В качестве атрибутов указанных обрядов, как свидетельствуют материалы, касающиеся различных групп старожилов и переселенцев Сибири, чаще всего выступали орудия труда или предметы домашней утвари.

Отношения человека и созданных им орудий труда - вопрос, достойный самостоятельного изучения. Даже беглый исторический экскурс показывает неоднозначность его решения в разные исторические эпохи: достаточно вспомнить хрестоматийный пример - движение луддитов. Будучи отправной точкой, с которой началась собственно человеческая история, орудия труда долгое время служили символом могущества человека, воплощением его безграничных преобразовательных возможностей. Однако несостоятельность идеологии “покорения природы”, ставшая очевидной в связи с глобальным экологическим кризисом, заставила исследователей по-новому взглянуть на отношения человека к окружающей среде. Сегодня уже можно услышать мнения о том, что “все эти... бульдозеры, канавокопатели, цепные пилы, паровые катки” и пр. орудия являются ничем иным, как “орудиями экологического убийства”, дающими человеку возможность менять “по своему произволу... облик Земли” (Гор, 1993, С.270).

В традиционном обществе, многие черты которого сохранялись в укладе жизни сибирских крестьян второй половины XIX - начала XX вв., роль орудий труда в значительной степени определялась их ритуально-мифологическими функциями. В славянской мифологии плуг выступает в качестве одного из инструментов творения, являясь средством перехода от хаоса к космосу. Согласно широко распространенному фольклорному сюжету, именно пахарь вытеснил с земли первобытных великанов - воплощение диких, необузданных сил природы, в то время как другой культурный герой, кузнец (Божий Коваль), с помощью плуга

укротил змея, пропахав на нем гигантские борозды - Змиевы валы (Славянская мифология, 1995, С.234, 301).

Еще в первые десятилетия XX в. наблюдатели отмечали сохранение “до удивления архаичных” нравов и обычаев “русского сибирского народа” (Макаренко, 1913, С.10-11), что было связано с общинным образом жизни сибирских крестьян, их корпоративностью, относительно медленным проникновением капиталистических элементов в сельское хозяйство. Причины засухи, мора и других стихийных бедствий осмыслялись сибиряками как наказание за грехи и несоблюдение запретов и предписаний, которыми регламентировалась жизнь человека в традиционном обществе. К примеру, день свв. Кирика и Улиты (15 июля ст.ст.) наряду с Ильиным днем (20 июля ст.ст.) считался одним из “грозных праздников”, когда следовало соблюдать запрет на любые работы в поле. По словам А.И.Шмаковой (1918 г.р., чалд.), когда они *“как-то раз в Кирики работали”*, в стог сена, на котором стояла ее сестра, попала молния: *“только успели снять, как стог загорелся”*, она тогда *“зарок дала в Кирики не работать”* (с.Лебедево, Тогучинский р-н, Новосибирская обл.; ср. также замечание Д.К.Зеленина о том, что *“не покрыв головы, замужня женщина призывает... гнев божий: неурожай хлеба, падеж скота, болезни людей”* и пр. несчастья - см.: ПФА РАН, ф.849, оп.1, №223, л.5). Таким образом, несоблюдение бытовых правил поведения влекло за собой, согласно логике традиционного мышления, нарушение Всеобщего порядка или Миропорядка в целом (на материалах абхазской культуры см. об этом: Чеснов, 1991, С.247-250).

Среди способов борьбы с засухой и другими бедствиями на поздних этапах бытования традиции у сибирских крестьян преобладали христианизированные формы с участием священников, служением молебнов и организацией крестных ходов. Как сообщал в 1848 г. из Томской губ. корреспондент РГО М.Серебренников, *“при пожарах, неурожаях хлеба, скотских падежах и на людей разных болезнях,.. просят служить молебны с водоосвящением вне селений, на скотских выгонах и пашнях, и обносят иконы вокруг селений”* (АРГО, р.62, оп.1, №2, л.2). Семейские Забайкалья, как показывают полевые материалы, совершали в подобных случаях восхождение к воздвигнутым на горах деревянным крестам, возле которых устраивали молебны: *“когда ко кресту на гору шли, распятие поднимали, образа несли, Илье от засухи молились, Миколу от непогоды: “Батюшка Илья, намочи наши поля, дай дождичка для старых и для младенцев”, “Микола Чудотворец, утиши, угомони бурю”* (записано от В.Е.Дорофеевой, 1924 г.р., с.Верхний Жирим, Тарбагатайский р-н, Республика Бурятия). Сведения о

существовании таких крестов в прошлом подтвердили информаторы всех обследованных сел Тарбагатайского и Бичурского р-нов, однако наличие подобного креста в настоящее время было выявлено лишь в с.Десятниково (ср. с ролью “записа” - священного дерева южных славян с вырезанным на коре крестом, возле которого совершали молебны от града и засухи, устраивали праздничные трапезы, закалывали жертвенных животных - см.: Славянская мифология, 1995, С.159).

Использование христианских атрибутов не может заслонить языческого, по сути, содержания описанных обрядов, однако наиболее архаичные детали обрядности сохранили те ритуальные действия, для которых характерно полное отсутствие христианской символики. В ходе полевых работ и обследования районных архивов Новосибирской обл. удалось зафиксировать редкие для Сибири обряды “пахания” реки в случае засухи (с.Чемское, Тогучинский р-н), а также “опахивания” селений и изготовления “обыденной” рубахи в связи эпидемией холеры (с.Зорино, Сузунский р-н). В первом случае в качестве атрибута обряда использовался плуг - ср.: *“когда засуха, мы с девками и бабами плуг возьмем и по речке ходим, тогда гроза поднимается”* (подробнее см.: Любимова, 1997, С.74-78), во втором - соха: описание событий, связанных с зарегистрированной в 1892 г. холерой, приводится в рукописи сузунского краеведа П.Ф.Пирожкова.

“Зоринские мужики, - читаем у автора, - собрались на сход к старосте... Решили закрыть все входы-выходы, поставить карантин и зажечь навоз вокруг деревни. Но знахарь Иван Гаврилович Сотников решительно настоял на том, чтобы сделать “обыденную” (то есть, в течение одного дня) рубаху и огородить деревню “огородом”... Деревенские женщины старались превзойти себя... К вечеру готовая рубаха была повешена у ворот поскотины... Для укрепления деревни “огородом” были найдены соха, две непорочные девушки и такой же парень... Надвигалась ночь... Иван Гаврилович, босой, в белой рубахе давал последние указания. тройка запряжена в соху. В ночной тиши раздается монотонный голос, читающий наговор. Медленно идет деревенский колдун, а за ним тройка с сохой. Полоса земли должна преградить путь холере” (Сузунский районный краеведческий музей, фонд П.Ф.Пирожкова, очерк “Обыденная рубаха”).

Непосредственными виновниками стихийных бедствий нередко считались “ведьмы”, “вещицы” и прочие лица, статус которых указывал на их близость к иному миру. Чиновник особых поручений В.Паршин слышал в 40-е гг. прошлого века рассказы о том, что крестьяне Нерчинского округа Иркутской губ. *“чуть не*

утопили старую женщину, “колдунью”, подозреваемую в том, что она виновница небывалой засухи” (АРГО, р.59, оп.1, №13, л.124). Корреспондент РГО К.Д.Логиновский привел курьезный случай о том, как ему удалось помочь крестьянам снять с поля “залом”, сделанный неким “злым человеком”: “Еду я из Баргузина в Верхне-Удинск, - вспоминал автор, - .смотрю, около поля собрались мужички и не смеют подступиться... Спрашиваю: “Что делаете?” - “Да вот, батюшка, злой человек заломил поле и теперь приходится бросать его, так как никого не находится, кто бы мог снять залом”. Я посмотрел, вижу, несколько колосьев завязаны в узел, взял и вырвал их. Крестьяне взмолились и осыпали меня благодарностью, что я спас их поле с хлебом”. Обычно же, - пояснял автор, - “если не найдется знахаря снять залом, то поле с хлебом бросают” (АРГО, р.58, оп.1, №16, лл.39-41).

Согласно полевым материалам, забайкальские старoverы также полагали, что “залом - это узел на колосе”, завязанный “колдуном” или “колдовкой”, которые могли превращаться в ворон и собак, а чтобы “снять залом”, надо было звать “лекарку”. Считалось, что хозяин мог увидеть колдовку, “если заберется под борону”. Особую активность “колдовки” (или “букусетки”) проявляли “под Ивана Травника”: “одна (колдовка) корову доила, у ей уши отрезали, так она потом платок не снимала” (записано от Е.Т.Соколовой, 1918 г.р., с.Десятниково). Сходную историю более ста лет назад записал для известного фольклориста П.В.Шейна “ученик Читинского городского училища” Дм. Нечухаев: “В одно время случилось так, что у коровы Василия Тарасова не стало молока,.. а у нас верят, что иногда молоко у коровы выдаивают ведьмы. Тарасов взял борону, потому что ведьму нужно глядеть через борону,.. и когда глядел, то в полночь вдруг молоко зажурчало. Он стал приглядываться и увидел, что под коровой сидит сорока,.. он ударил сороку наотмашь,.. и вдруг из сороки сделалась его кума! Он давай ее лупить и вот она умерла на четвертый день”. Примечательно, что в конце автор сделал пояснение, где и когда происходили указанные события: “Это случилось в с.Доронинском, в 1886 г., на святках, в декабре месяце” (ПФА РАН, ф.104, оп.1, №487, лл.26-26 об.). Отметим, что борона в описанных вариантах выступает как средство, с помощью которого можно было “обезвредить” ведьму или колдунью и тем самым предотвратить то или иное бедствие.

Особую группу, выявленную у забайкальских старообрядцев, составили обряды, в некотором смысле противоположные тем, что совершались во время засухи, а именно - ритуальные действия по случаю грозы или града. Особенно опасными считались гром и

молния до Ильина дня: по словам В.Е.Дорофеевой, *“до Ильи гром в землю бьет, а после - вверх”*, (то есть, уже не опасен). От грома следовало читать “молитву”: *“Стрелы огненные небесные, / Они не в тело палят, а в землю летят, / Окрещусь крестом, / Огорожусь огнем”*. Во время града хозяйки выходили на крыльцо и выбрасывали во двор печную утварь (*“все из русской печки”*) - хлебную лопату, заслонку, помело, клюку, сковородник и пр.; если же град застал человека в поле, то надо было бросить нож (записано в сс.Десятниково, Бурнашово, Верхний Жирим и Большой Куналей, Тарбагатайский р-н, Республика Бурятия).

Н.И. и С.М.Толстые, изучавшие способы защиты от града в Полесье, пришли к выводу, что в данном случае *“важна принадлежность хлебной лопаты (как и всей печной утвари, - Г.Л.) к стихии огня, что делает ее магическим орудием в борьбе с небесной водой - дождем и градом”* (Толстые, 1982, С.59). Отметим, что в функции *“магического орудия против небесной влаги”* мог выступать и такой христианский символ, как икона *“Неопалимая Купина”*, которую, по словам А.П.Чистяковой (1916 г.р., с.Десятниково), *“во двор выносили, чтоб тучи не было”*. Ее же брали, *“когда пожар был”*, что также подтверждает принадлежность указанного символа к стихии огня. Вместе с тем, возможно, существует некая связь между функциями плуга в обрядах, направленных на вызывание дождя, и функциями хлебной лопаты, в обрядах, направленных на его прекращение, поскольку использование указанных атрибутов было характерно для начального и заключительного этапов приготовления хлеба, а полный технологический цикл в любой сфере человеческой деятельности традиционное мышление всегда соотносило с воссозданием акта первотворения.

ПРИМЕЧАНИЯ

АРГО - Архив Русского Географического общества

ПФА РАН - С.-Петербургский филиал архива Российской Академии наук

Гор Э. Земля на чаше весов. Экология и человеческий дух. Пер. с англ. М., 1993.

Любимова Г.В. Способы борьбы с засухой в традиционной обрядности русских крестьян Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири, 1997, №3.

Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении // Записки РГО по отделению этнографии. СПб, 1913, Т.XXXVI.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М. 1995.

Толстые Н.И., С.М. Заметки по славянскому язычеству. 3. Первый гром в Полесье. 4. Защита от града в Полесье // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982.

Чеснов Я.В. Ценность жизни и экофильные ориентации в традиционной абхазской культуре // Этническая экология: теория и практика. М., 1991.